

Смирнова-Чикина Екатерина Сергеевна

**Комментарий к поэме Гоголя
"Мертвые души"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е45

Е45 **Екатерина Сергеевна С.**
Комментарий к поэме Гоголя "Мертвые души" / Смирнова-Чикина Екатерина Сергеевна –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 180 с.

ISBN 978-5-519-74168-2

ISBN 978-5-519-74168-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Мертвые души“ не раскрываются вполне с первого чтения даже для людей мыслящих: читая их во второй раз, точно читаешь новое, никогда невиданное произведение. „Мертвые души“ требуют изучения.

В. Б е л и н с к и й.

О Т Д Е Л I.

РАБОТА ГОГОЛЯ НАД I ТОМОМ «МЕРТВЫХ ДУШ».

Летом 1835 года Гоголь во время поездки на родину, в Украину задумал «ужасное множество сюжетов и планов», которые «нагромодились во время езды» (В. А. Жуковскому 15 июля 1835 г.) и «десятая доля» которых была «положена на бумагу». Это были путевые записки, положенные Гоголем в основу его поэмы «Мертвые души»¹⁾. Гоголь использовал их также и для статьи «Петербург. записки 1836 г.»: «Эх, куда забросило русскую столицу! В Чухну, на край света», сказал я, оборотившись назад, когда низенький и ровный Петербург утонул, и пошли писать по обеим сторонам дороги кочки, обгорелые пни сосен, молодой ельник, торчавший, как попало»... писал Гоголь о своем выезде из Петербурга. То же самое повторяется во II гл. «Мертвых душ»: «едва только выехал он (Чичиков) за город, как пошла писать, по нашему, русскому обычаю, чушь и дичь по обеим сторонам дороги, кочки, ельник, низенькие, жидкие кусты молодых сосен». Вернувшись в Петербург, Гоголь читал эти заметки А. С. Пушкину, который посоветовал ему развернуть их

¹⁾ Записки эти не сохранились кроме нескольких набросков, которые привел Н. С. Тихонравов в редакторских примечаниях к статье Гоголя «Петербургские записки 1836 г.», Соч. Гоголя, X изд., т. V, стр. 654).

в «большое сочинение»: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение. Это, просто, грех!»—передавал Гоголь слова Пушкина в «Авторской исповеди».

А. О. Смирнова отметила это известие в своих «Записках»: «Пушкин провел четыре часа у Гоголя и дал ему сюжет для романа, который, как Дон-Кихот, будет разделен на писни. Герой объедает провинцию; Гоголь воспользуется путевыми записками» (стр. 45). И здесь, как предлог для поездки «героя» по провинции, как стержень для нанизывания жанровых картин и характеров, возникает мысль воспользоваться распространенным анекдотом о скупщике мертвых душ (см. коммент. к XI гл.). Так из «ужасного множества сюжетов и планов» выдвинулся сюжет «Мертвых душ». О начале работы Гоголь писал Пушкину: «Начал писать «Мертвые души». Сюжет... кажется, будет сильно смешон...» (7 окт. 1835 г.). «Изрядная коллекция гадких рож», виденная им на Руси (М. П. Погодину, 1836 г.) и «родившаяся» в авторе «охота смеяться» создали сами собой множество смешных явлений («Авторская исповедь»). Описание «смешного» проекта, «забавный и любопытный анекдот» (С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем») — прочитал Гоголь Пушкину, ожидая от него смеха, но «чудовища, которые выходили из-под пера» Гоголя, произвели на Пушкина неожиданное для автора впечатление: «Пушкин... начал понемногу становиться все сумрачнее, сумрачнее, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: «Боже, как прустна наша Россия!» Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка» («Четыре письма по поводу «Мертвых душ»). Реплика Пушкина заставила Гоголя пересмотреть художественный метод обработки жизненных наблюдений. Автор «стал думать только о том, как бы смягчить то тягостное впечатление, которое могли произвести «Мертвые души», как уничтожить «пугающее отсутствие света» в его «предлинном» и «смешном романе», как изобразить не «собрание карикатур», а саму жизнь. Работа «прервалась на третьей главе», как сообщает Гоголь в письме А. С. Пушкину (7 окт

1835 г.). В процессе обдумывания дальнейшей работы, Гоголь решает, что уж «если смеяться, так уж лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеяния всеобщего» («Авторская исповедь»), смеяться «электрическим, живительным смехом, ... порожденным... только высоким умом» («Петерб. записки 1836 г.»), т. е. бичевать смехом темные стороны жизни, смягчая «тягостное впечатление» их, перемешивая «множество смешных явлений с трогательными», создавая «сочинение полное, где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться» («Авторская исповедь»). Это было еще в зародыше, намерение Гоголя наряду с отрицательными типами дать и положительные, светлые. Весной 1836 года Гоголь уехал за границу, увозя с собой наброски первых глав «Мертвых душ» (не более 6), желая «глубоко обдумать свои обязанности авторские, свои будущие творения» (М. П. Погодину, 15 мая 1836 г.). Осень он проводит в Швейцарии, в Веве, где работает над «Мертвыми душами», переделывая старое, обдумывая новые главы (М. П. Погодину, сент. 1836 г.). Работа движется легко, «каждое утро, в прибавление к завтраку», выписывает Гоголь «по три страницы», и «смеху от этих страниц достаточно, чтобы усладить» его «одиноким день». Идея «Мертвых душ» обдумана, план составлен. «Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в («Мертвых душах»)» — пишет он Жуковскому из Парижа (12 ноября 1836 г.). Так пришел Гоголь от замысла нарисовать «хотя с одного бока всю Русь» к изображению «всей Руси».

В Риме работа продолжалась, все больше захватывая Гоголя. Летом 1837 года он читал в Баден-Бадене начало «Мертвых душ» А. О. Смирновой, а приехав в Москву в 1840 г., весной в марте Гоголь читает у Аксаковых IV главу и немного спустя V, а «17 апреля, тоже в субботу, он прочел нам в маленьком моем кабинете шестую главу, в которой создание Плюшкина привело меня и всех нас в великий восторг», — рассказывает об этих чтениях С. Т. Аксаков («История моего знакомства с Гоголем», стр. 45—46). Уезжая вновь за границу, Гоголь обещал через год воротиться в Москву и привезти I том «Мертвых душ» совершенно готовым для печати. «Это обещание он сдержал», добавляет С. Т. Аксаков (там же, стр. 49).

Выслушивая внимательно замечания, следя за производимым впечатлением, Гоголь видел необходимость многое переработать, но эти поправки уже не изменяют общего плана. «Я теперь приготавливаю к совершенной очистке первый том «Мертвых душ». Переменяю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе», писал он в декабре 1840 года С. Т. Аксакову; здесь автор преследовал «жизнь в ее действительности, а не в мечтах воображения», по его признанию в «Авторской исповеди»¹⁾.

В это же время продолжается работа над следующими главами: «дальнейшее вырисовывается все чище, все величественнее... может быть со временем кое-что колоссальное» выйдет из этой поэмы, пишет Гоголь Аксакову, в приподнятом, торжественном настроении. В это время пишет он лирические отступления в вдохновенном состоянии, в

¹⁾ До нас дошло несколько редакций «Мертвых душ». Гоголь перерабатывает и переправляет текст, изменяя диалогическую форму в повествовательную, сокращая длинные и повторения, внося добавочные характеристики и размышления автора по поводу персонажей. Так, вносится лирическое отступление о Коробочке, в третьей редакции появляется лирическое отступление по поводу встречи Чичикова с губернаторской дочкой; прибавляется сравнение Собакевича с кулаком, выпущен малохарактерный разговор Чичикова с Селифаном о дороге к Плюшкину и т. д. Устранены повторения — описание задумчивости Чичикова в дороге перед приездом к Манилову; при описании наружности Плюшкина пропущено рассуждение о том, что лицо его было из числа тех, «при обработке которых натура не употребляла никаких мелких инструментов, как-то буравчиков и прочего» (т. VIII, стр. 418); в конце V главы перерабатывается несколько раз сатирическая заметка о некоторых quasi-аристократических фамилиях. Кроме того Гоголь постоянно вносит мелкие стилистические поправки, заменяя одни слова другими и т. д. Напр.: «Все чиновницы города NN... имели такие прекрасные манеры...», раньше было: «такое приятное обращение...», и везде Гоголь одно время заменяет слово «манеры» — словом «обращение», а впоследствии часто меняет «обращение» на «обороты». Таким образом перерабатывались и следующие редакции. Рукопись вся покрывалась поправками, заметками на полях и между строк, чернилами и карандашом. Прибавлялись новые страницы, все переписывалось и еще и еще раз переделывалось и переправлялось. Таким образом существует целый ряд редакций «Мертвых душ», затем законченная редакция, представленная в цензуру, печатная редакция с поправками, внесенными цензором, и переделки отдельных мест 1-й части, сделанные Гоголем во время подготовки ко 2-му изданию.

страстном приливе творчества, доставляющем ему минуты великого счастья: «Да, друг мой. Я глубоко счастлив ... я слышу и знаю дивные минуты. Создание чудное творится и совершается в душе моей и благодарными слезами не раз теперь полны глаза мои», признается он в письме к С. Т. Аксакову (5 марта 1841 г.).

О счастливых, вдохновенных минутах творчества Гоголя рассказывал П. В. Анненков («Воспоминания и критические очерки», т. I, П., 1877 г.), который живя в Риме в комнате рядом с Гоголем, переписывал под его диктовку в 1841 году первый том «Мертвых душ»: «Гоголь крепче притворял внутренние ставни окон от неотразимого южного солнца, я садился за круглый стол, а Николай Васильевич, разложив перед собой тетрадку на том же столе подальше, весь уходил в нее и начинал диктовать мерно, торжественно, с таким чувством и полнотой выражения, что главы первого тома «Мертвых душ» приобрели в моей памяти особый колорит. Это было похоже на спокойное, правильно-разлитое вдохновение, какое порождается обыкновенно глубоким созерцанием предмета. Николай Васильевич ждал терпеливо моего последнего слова и продолжал новый период тем же голосом, проникнутым сосредоточенным чувством и мыслью. Превосходный тон этой поэтической диктовки был так истинен в самом себе, что не мог быть ничем ослаблен или изменен. Часто рев итальянского юсла пронзительно раздавался в комнате, затем слышался удар палки по бокам его и сердитый вопль женщины: «Ессо, ladrone!» (вот тебе, разбойник!)—Гоголь останавливался, проговаривал, улыбаясь: «Как разнежился, негодяй», и снова начинал вторую половину фразы с той же силой и крепостью, с какой вылилась у него ее первая половина. Случалось также, что он прекращал диктовку на моих орфографических заметках, обсуживал дело и, как-будто не было ни малейшего перерыва в течении его мыслей, возвращался свободно к своему тону, к своей поэтической ноте. Помню, например, что, передавая ему написанную фразу, я вместо продиктованного им слова: «щекатурка» употребил—«штукатурка». Гоголь остановился и спросил: «Отчего так?»—«Да правильнее, кажется». Гоголь побежал к книжным шкафам своим, вынул оттуда какой-то лексикон, приискал немецкий корень слова, русскую его передачу и, тщательно об-

следовав все доводы, закрыл книгу и поставил опять на место, сказав: «А за науку спасибо». Затем он сел попрежнему в кресло, помолчал немного, и снова полилась та же звучащая, повидимому, простая, но возвышенная и волнующая речь. Случалось так, что прежде исполнения моей обязанности переписчика я в некоторых местах опрокидывался назад и раздражался хохотом. Гоголь глядел на меня хладнокровно, но ласково улыбался и только проговаривал: «Старайтесь не смеяться, Жюль». Действительно, я знал, что переписка замедляется подобным выражением личных моих ощущений, и делал усилия над самим собой, но в те годы усилия эти редко сопровождались успехом. Впрочем, сам Гоголь иногда следовал моему примеру и вторил мне при случае каким-то сдержанным полусмехом, если могу так выразиться. Это случилось, например, после окончания «повести о капитане Копейкине», первая редакция которой, далеко превосходящая в силе и развитии напечатанную, только недавно сделалась известна публике. Когда, по окончании повести, я отдался неудержимому порыву веселости, Гоголь смеялся вместе со мною и несколько раз спрашивал: «Какова повесть о капитане Копейкине?»—«Но увидит ли она печать когда-нибудь?» заметил я. «Печать—пустяки», отвечал Гоголь с самоуверенностью: «все будет в печати». Еще гораздо сильнее выразилось чувство авторского самодовольствия в главе, где описывается сад Плюшкина. Никогда еще пафос диктовки, помню, не достигал такой высоты в Гоголе, сохраняя всю художническую естественность, как в этом месте. Гоголь даже встал с кресел (виднo было, что природа, им описываемая, носится в эту минуту пред глазами его) и сопровождал диктовку гордым, каким-то повелительным жестом. По окончании всей этой изумительной VI главы я был в волнении, и положив перо на стол, сказал откровенно: «Я считаю эту главу, Николай Васильевич, гениальной вещью». Гоголь крепко сжал маленькую тетрадку, по которой диктовал, в кольцо и произнес тонким, едва слышным голосом: «Поверьте, что и другие не хуже ее». В ту же минуту, однакож, возвысив голос, он продолжал: «Знаете ли что, нам до сепаре (ужина) осталось еще много: пойдемте смотреть сады Саллюстия, которых вы еще не видали, и в виллу Людовизи поступчимся». По светлому выражению его лица, да и по самому предложению виднo было,

что впечатления диктовки привели его в веселое состояние духа. Это оказалось еще более на дороге. Гоголь взял с собой зонтик на всякий случай, и как только повернули мы налево от дворца Барберини в глухой переулок, он принялся петь разгульную малороссийскую песню, наконец, пустился просто в пляс и стал вывертывать зонтиком на воздухе такие штуки, что не далее двух минут ручка зонтика осталась у него в руках, а остальное полетело в сторону. Он быстро поднял отломленную часть и продолжал песню. Так отозвалось удовлетворенное художническое чувство: Гоголь праздновал мир с самим собою, и в значении этого бурного порыва веселости, который вполне напомнил мне старого Гоголя, я не ошибся и тогда».

Переписанная П. В. Анненковым рукопись—так называемая заграничная редакция «Мертвых душ», привезенная в Москву для печатанья. Гоголь еще раз переделывает ее в октябре и ноябре 1841 г., живя в Москве у Погодина на Девичьем Поле.

В декабре 1841 года рукопись «Мертвых душ» поступила в Московский Цензурный Комитет и передана была для рассмотрения цензору проф. Снегиреву, который объявил «торжественно, что рукопись он находит совершенно благонамеренной и в отношении к цели, и в отношении к впечатлению, производимому на читателя» (Письмо Гоголя П. А. Плетневу, 7 янв. 1842 г.), но до Гоголя стали доходить слухи, что рукопись пропущена не будет, в этом особенно были убеждены все Аксаковы, они постоянно твердили Гоголю, что невозможно получить цензурное разрешение на печатание «Мертвых душ» (см. «Историю моего знакомства с Гоголем»).

Запрещения рукописи не было. Но Гоголь, услышав о неблагоприятных толках среди цензоров о своей поэме, взволновался и, несмотря на отсутствие запрещения, взял рукопись из Московского Цензурного Комитета и отправил ее с Белинским в Петербург к князю В. Ф. Одоевскому вместе с письмом к нему. Отчаянное письмо с просьбами отправлено Гоголем и к А. О. Смирновой, и к Плетневу¹).

¹) При печатании 2 изд. «Мертвых душ» в 1846 г. Гоголь пишет Шевыреву: «Посылать же на цензураванье к цензору в Петербург, я не думаю, чтобы оказалась надобность, тем более, что это фантастическое запрещение 2-го издания никогда не

После долгого томительного ожидания лишь в половине февраля Гоголь получил от Плетнева первое известие о разрешении печатать «Мертвые души», но только 5 апреля рукопись была получена автором, когда он расхворался от нервного волнения долгого ожидания. Волнение его еще больше усилилось от того, что «Повесть о капитане Копейкине» целиком была вычеркнута цензором Никитенко и пришлось ее перерабатывать заново (см. комментарии) и опять отправлять в цензуру. Теперь же немедленно по получении рукописи было приступлено к печатанию. Гоголь сам нарисовал обертку для I тома «Мертвых душ»¹. Печатание шло быстро, и 21 мая 1842 года были получены

существовало: оно образовалось в Москве по старой охоте ее к плетению всякого рода сплетней» (26/VI 1846 г.). Также не существовало запрещения и I т. «Мертвых душ».

¹) «На обертке под несущимся быстро тарантасом изображены: с левой стороны часть деревни, с правой — верстовой столб; между ними с той и другой стороны бутылки с рюмками и бокалами, закуски в виде рыб на блюде; солонка; бутылка сверху как бы венчает этот ряд изображений, которому внизу соответствует также бутылка с бокалами и блюдо с большим осетром и мелкими рыбками, может быть, то блюдо, которое украшало трапезу полицмейстера, и к которому пристроился Собакевич. Изображений живых людей немного — только два: на правом поле читатель видит пьяного мужичка, пляшущего, подбоченившись, с чаркою в руке, и танцующую — очевидно, на балу, — пару. За то эмблемы смерти в обилии рассыпаны по всей картине: в верхней ее половине; смерть, кажется, вездесуща на картине: черепа выглядывают из затейливых завитков, окаймляющих верхнюю половину рисунка, на одной вертикальной линии помещены принадлежности закуски (бутылка вина и рыбы) и череп. Два скелета расположены симметрически, справа и слева, в полулежащем положении; третий, на черном фоне, изображен сидящим и простирающим вперед руки, как бы призывая кого-то в свои объятия. «Лучшим объяснением идеи, выраженной в рисунке, мы считаем (писал Н. С. Тихонравов) следующие строки, в которых Гоголь наметил впоследствии план и идею первой части «Мертвых душ». «Как пустота и бессильная праздность жизни сменяется мутною, ничего не говорящею смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно. Не трогаются. Смерть поражает нетрогающийся мир. Еще сильнее между тем должна представиться читателю мертвая бесчувственность жизни... При бальном... при фраках, при сплетнях и визитных билетах никто не признает смерти...» В рисунке брошен намек на ту идею, которая стала в Москве занимать автора «Мертвых душ» и которую он начал прозревать в печатавшейся поэме» (т. III, X изд.).

первые печатные экземпляры (см. С. Т. Аксаков «Мое знакомство с Гоголем»), а 23 мая в № 41 «Московских Ведомостей» появилось объявление, что в книжной лавке Московского Университета «продаются вновь отпечатанные книги: «Похождения Чичикова или Мертвые души», поэма Н. В. Гоголя, М., 1842 г., цена в красивой обертке 10 руб. 50 коп.

«Появление «Мертвых душ» было неожиданной новостью для высших слоев нашего общества», пишет М. И. Сухомлинов («Исследования и статьи», т. II, стр. 307): «Не хотели верить, что книга Гоголя появилась в печати подобно всякой другой книге без каких-либо затаенных целей не только со стороны автора, но даже со стороны властей. Граф Строганов обратился к министру народного просвещения для разъяснения загадочного события: «На днях, прочитывая новую поэму Гоголя: «Похождения Чичикова или Мертвые души», я останавливался на многих местах, которые, несмотря на занимательность и юмор, не могли, как я думаю, быть дозволены к напечатанию без особенного высшего разрешения или с какою-либо особенною целью...» Министр просвещения С. С. Уваров разъяснил что «Мертвые души» Гоголя рассмотрены и пропущены на общих основаниях, которыми следует руководствоваться и при рассмотрении критических статей о новом произведении Гоголя».

Гоголь был в общем доволен своим созданием. Даже в 1843 году, он, признавая все недостатки и несовершенства I части, отмечал, что «Мертвые души» произвели много шума, много ропота; задели за живое многих и насмешкою, и правдою, и карикатурою; коснулись порядка вещей, который у всех ежедневно перед глазами... Первая часть главное дело сделала; она поселила во всех отвращение от моих героев и их ничтожности; она разнесла некоторую мне нужную тоску и собственное наше неудовольствие на самих нас. Покамест для меня этого довольно»... («Выбран. места»).

КОММЕНТАРИЙ К ПОЭМЕ «МЕРТВЫЕ ДУШИ».

Часть первая.

ЗАГЛАВИЕ ПОЭМЫ.

Заглавие, данное Гоголем своей поэме, было «Мертвые души», но на первом листе рукописи, представленной в цензуру, цензор Никитенко приписал: «Похождения Чичикова или... Мертвые души». Так с тех пор и стала называться поэма Гоголя. Эта приписка, подчеркивая спекуляции Чичикова, снизила заглавие Гоголя, имевшее в глазах автора иное значение, чем те толкования, которые он приписал, между прочим, официальным читателям «Мертвых душ», членам цензурного комитета, обсуждавшего это произведение Гоголя. Вот, что Гоголь писал П. А. Плетневу 7 янв. 1842 г.: «Как только, занимавший место президента Головастов услышал название «Мертвые души»,—закричал голосом древнего римлянина:

— «Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть; автор вооружается против бессмертия». В силу, наконец, мог взять в толк умный президент, что дело идет об ревижских душах. Как только взял он в толк и взяли в толк вместе с ним другие цензора, что мертвые значит ревижские души, произошла еще большая кутерьма. «Нет!—закричал председатель,—хотя бы в рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: ревижская душа; уж этого нельзя позволить, это значит против крепостного права». Наконец, сам Снегирев увидел, что дело зашло уж очень далеко; стал уверять цензоров, что он рукопись читал и что о крепостном праве и намеков нет, что нет даже обыкновенных оплеух, которые раздаются во многих повестях крепостным людям; что здесь совершенно о другом речь; что главное дело основано на смешном недоумении продающих и на тонких хитростях покупателя и на всеобщей ералаше, которую произвела такая странная покупка, что это—ряд характеров, внутренний быт России